

Изъ воепоминаній и замѣтокъ еудебнаго дѣятеля ¹⁾.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Судьба была милостива и благосклонна къ поколѣнiю— къ которому принадлежу и я—вступившему въ Россiи въ сознательную жизнь и приступившему затѣмъ къ общественной дѣятельности и служебному труду въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ и въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ему пришлось быть свидѣтелемъ великихъ и возвышенныхъ по идеѣ историческихъ событiй и присутствовать при гражданскомъ обновленiи родины, въ которой развернулись скованныя дотолѣ духовныя силы. Я живо помню глубокое впечатлѣнiе, произведенное донесенiемъ князя Горчакова о паденiи Севастополя, въ которомъ „непрiятель найдетъ лишь однѣ окровавленныя развалины“. Надъ ними, однако, занялась заря свѣтлыхъ реформъ и къ нимъ присоединились вскорѣ и развалины обветшалаго общественнаго и бытового строя, очевидцами котораго еще были люди нашего поколѣнiя. Этотъ строй въ практическомъ своемъ осуществленiи покоился на четырехъ устояхъ: крѣпостномъ правѣ, рекрутчинѣ, откупной системѣ и узкомъ окаменѣломъ чиновничествѣ, чуждомъ всякаго здороваго почина. Среди нихъ ютились: судъ, полный „неправды черной“ по негодующему выраженiю Хомякова и жалкое, приниженное сословно-общественное завѣдыванiе ближайшими мѣстными нуждами. Волею Царя-Освободителя и лучшихъ его сотрудниковъ все это отошло въ область прошедшаго путемъ законодательной работы, которая кипѣла и спорилась въ умѣлыхъ и любящихъ рукахъ, а не „отцвѣтала, не успѣвши рас-

¹⁾ „Русская Старина“ 1907--1914 гг.

цвѣсть“ въ нѣдрахъ безконечныхъ бюрократическихъ комиссій и совѣщаній и въ рукахъ „духомъ хладныхъ скопцовъ“. Этой оживленной работѣ, проникнутой искреннимъ желаніемъ создать дѣйствительныя, а не мнимыя преобразованія, сопутствовали отдаленные раскаты боевого грома въ двухъ благороднѣйшихъ войнахъ прошлаго столѣтія: за объединеніе изстрадавшейся Италіи и за отмѣну рабства въ Сѣверной Америкѣ.

Все это отражалось на настроеніи моего поколѣнія, и немногіе изъ насъ, еще остающіеся въ живыхъ, могутъ съ благодарнымъ чувствомъ вспомнить это время благородной мысли, восторженнаго чувства, горячей надежды на свѣтлое будущее и горделивой вѣры въ способности русскаго народа,—время, когда каждый устыдился бы даже тайно отъ всѣхъ подумать про себя многое изъ того, что потомъ приходилось нерѣдко слышать не только въ беззащитиво прорекаемыхъ громкихъ словахъ, но и во вліятельной печати,—время увлеченія незыблемостью принциповъ и отвращенія къ услужливости житейскихъ приспособленій.

20 ноября прошедшаго года минуло пятьдесятъ лѣтъ со времени одного изъ такихъ преобразованій, встрѣченнаго общей радостью, но пережившаго затѣмъ вмѣстѣ со своими создателями и служителями, много недоброжелательства. Въ этотъ день въ 1864 г. былъ обнародованъ указъ Правительствующему Сенату, возвѣщавшій, что Россіи даруется новый судъ, основанный на Судебныхъ Уставахъ, предназначенныхъ возвысить судебную власть, придать ей надлежащую самостоятельность и утвердить въ народѣ уваженіе къ закону, какъ къ постоянному руководителю дѣйствій всѣхъ и cadaго. Эти Уставы составили логическое и нравственное послѣдствіе освобожденія крестьянъ, неотвратимо связанное съ послѣднимъ, и явились осуществленіемъ государственной потребности имѣть въ Россіи судъ, достойный этого названія, на мѣстѣ царившаго безсудія, произвола и обветшавшихъ формъ, лишенныхъ внутренняго содержанія. Съ отмѣткой крѣпостнаго рабства на Руси упразднилась и расправа вотчинныхъ владѣльцевъ со своими крестьянами. Лишь при совершеніи крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ „душъ“ былъ безусловно обязанъ обращаться къ общему суду въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ или даже постороннихъ, обра-

тившихся къ заступничеству помѣщика, существовало право безконтрольнаго домашняго суда и взысканія. Если, однако, при этомъ вина представлялась особо важной или мѣры взысканія „домашняго изобрѣтенія“ оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались въ смирительные или рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты на срокъ (до 1846 года), самимъ владѣльцемъ опредѣленный. Если же помѣщику или (до 1854 года) его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то къ ихъ услугамъ было право отдачи несовершеннолѣтнихъ крестьянъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ въ рекруты, или препровожденія ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, „не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика“, ссылало представленнаго въ Сибирь въ сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ—мальчики пяти лѣтъ, а дѣвочки десяти лѣтъ. Отрицаніемъ суда въ настоящемъ смыслѣ слова являлось въ огромномъ большинствѣ случаевъ и полицейское разбирательство по „маловажнымъ дѣламъ“ въ „частныхъ домахъ“, или такъ называемыхъ „Сѣзжихъ“. Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, до 1863 года производилась знаменитая „сѣкуція“. Извѣстный московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русскія народныя картинки“), что въ дореформенное время тѣлесное наказаніе производилось въ полиціи по утрамъ, причемъ нѣкоторыя Части славились своими исполнителями. „Пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, высыплютъ сотню; и расфранченной барышнейной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки, и той высыплютъ сотню: барыня-де особенно попросила частнаго пристава; никому не было спуска да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виноватъ: присланъ получить, значить, и виноватъ; стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро“. Освобожденіе крестьянъ и отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году уничтожили это безобразное явленіе, но приемы изслѣдованія и оцѣнки виновности оставались прежними. Не даромъ одинъ изъ знакомыхъ съ дѣятельностью квартальнаго надзирателя, котораго въ Москвѣ было принято называть комиссаромъ, приводилъ слова будто бы подлинной, но во всякомъ случаѣ характерной рукописи: „Не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ

него душу злонравную, исполненную всякія скверны, воеже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую“.

Собственно судъ, съ множествомъ инстанцій и опредѣленными въ законѣ правилами дѣйствія, былъ лишенъ тѣхъ элементарныхъ условій, безъ которыхъ на современный взглядъ немыслимо правильное отправленіе правосудія. Обиліе инстанцій и чрезвычайное развитіе частныхъ производствъ, обращавшихъ верѣдко дѣло, многократно разбиравшееся, къ первоначальному источнику, обусловливали собою медленность и волокиту, достигавшія поразительныхъ размѣровъ, вызывавшихъ грозныя и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодныя Высочайшія резолюціи, одна изъ которыхъ, по дѣлу Баташевыхъ, впрочемъ дала отдаленный толчокъ къ возбужденію вопроса о несостоятельности старыхъ судебныхъ порядковъ. Достаточно указать по этому поводу на то, что дѣло, начатое въ Уѣздномъ или Надворномъ судѣ, могло, въ апелляціонномъ и ревизионномъ порядкѣ, восходить въ уголовную или гражданскую Палату, оттуда въ соотвѣтствующій департаментъ Сената, изъ департамента, въ случаѣ разногласія сенаторовъ, въ общее собраніе, изъ общаго собранія, при отсутствіи двухъ третей единомышленныхъ голосовъ, въ консультацію при Министерствѣ Юстиціи, изъ нея съ согласительнымъ, по ордеру министра, предложеніемъ оберъ-прокурора снова въ общее собраніе и, если это предложеніе не собирало двухъ третей голосовъ, то въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и, наконецъ, въ общее его собраніе, мнѣніе котораго представлялось на Высочайшее утвержденіе. Примѣромъ такого „неторопливаго“ движенія можетъ служить дѣло о кражѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты* на 115 тысячъ рублей, возникшее въ 1844 году и оконченное въ 1865 г., т. е. черезъ двадцать одинъ годъ. Мнѣ самому, въ качествѣ сенатора перваго общаго собранія, пришлось въ 1906 году участвовать въ разрѣшеніи спорнаго земельного дѣла, возникшаго въ 1869 году въ мѣстности, гдѣ еще не была введена судебная реформа.

Не меньше недостатковъ представляло и внутреннее устройство суда. Общіе суды, существовавшіе, въ виду вышесказаннаго, въ сущности *для немногихъ и за немногое*, хотя и считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотными, и возлагалъ изложеніе рѣшенія такихъ судей на секретаря. Въ дѣйствительности дѣла никогда почти не докладывались даже въ Уѣздныхъ судахъ, гдѣ тоже большая

часть членовъ были малограмотными и вовсе неграмотными. Въ судахъ второй степени дѣло рѣшалось обыкновенно безъ доклада—однимъ товарищемъ предсѣдателя—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ же прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное заранее рѣшеніе участи подсудимаго, совершенно имъ невѣдомаго. А между тѣмъ законъ предоставлялъ такому суду права опредѣлять наказаніе по своему усмотрѣнію, не установивъ до Уложенія 1845 года ни высшаго предѣла лѣтъ каторжной работы, ни числа ударовъ плетью или кнутомъ. И высшій судъ—Сенатъ тоже не былъ богатъ людьми просвѣщенными и въ особенности получившими юридическое образованіе. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ семи петроградскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената было всего *шесть* чело-вѣкъ, получившихъ высшее образованіе и носившихъ въ глазахъ приказнаго люда насмѣшливое названіе „учѣныхъ“. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ—секретарь, отъ котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависѣлъ исходъ дѣла, отличался нерѣдко отъ „начертаннаго бѣсомъ“ комиссара лишь большимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью „подбирать ихъ масть къ масти“, о чемъ ему укорительно, но бессильно напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зеркало. Такимъ образомъ, если печальная дѣйствительность вызвала, въ свое время, у Императора Николая Павловича горестное признаніе, что „Россія управляется *столоначальниками*“, то можно безъ преувеличенія сказать, что въ это же самое время „Россія судилась *секретарями*“. Нужно ли при этомъ говорить, что въ судахъ засѣдатели отъ сословія утверждались въ должности губернаторомъ и что товарищи предсѣдателей палатъ отъ правительства были лишены надлежащей независимости, такъ какъ прочность ихъ служебнаго положенія тоже зависѣла отъ аттестаціи со стороны административной власти. Извѣстный судебный дѣя-тель П. Н. Обнинскій, вспоминая старый судъ, даетъ слѣдую-щую картину, выхваченную прямо изъ жизни: „Въ канцеляріи толпятся просители и шепчутся съ чиновниками. Изрѣдка съ-дой вахтеръ съ медалями во всю грудь важно отворяетъ поло-вину двери въ „присутственную комнату“, куда, сгорбившись и какъ-то робко избочась, прошмыгиваетъ вицмундиръ съ охап-кою бумагъ подъ мышкой, а въ отворенную дверь вы видите красное сукно, блестящую золотую раму, такое же зеркало и вокругъ него нѣсколько неподвижно-возсѣдающихъ фигуръ съ

плѣшивыми головами, вплоть до ушей ушедшими въ высокіе, хомутовидные золотые же воротники... Внутренно,—но вы тотчасъ же почему-то чувствуете, что это не болѣе, какъ какая-то никому не нужная, торжественная и мертвая декорація, а вся сила въ томъ заваленномъ бумагами, залитомъ чернилами и засыпанномъ пескомъ столикѣ, у котораго вы только-что совѣщались со столоначальникомъ—тѣмъ, что понесъ подписывать „члену“ бумагу по вашему дѣлу; вы чувствуете, что вся сила, вся суть, вся судьба вашего дѣла не тамъ, откуда мелькнули вамъ золотые рамы, орлы и воротники, а въ этомъ столоначальникѣ въ засаленномъ вицмундирѣ, съ сизымъ, запачканнымъ табакомъ носомъ, хищными глазками и перомъ за ухомъ; вы чувствуете, что подпись въ этой парадной „присутственной комнатѣ“ ничего не прибавитъ и не убавитъ въ томъ, что этотъ вершитель судебъ вашихъ написанъ на своемъ грязномъ столѣ! „—Для русскаго человѣка двадцатаго и конца девятнадцатаго столѣтія картина эта можетъ показаться неправдоподобной и, во всякомъ случаѣ, ушедшею въ невозвратное прошлое, но для Обнинскаго—и для очень немногихъ, еще находящихся въ живыхъ стариковъ,—она была правдивымъ изображеніемъ современной имъ дѣйствительности. Конечно, въ составѣ судовъ встрѣчались изрѣдка исключенія. Таковъ былъ, на примѣръ, другъ Пушкина Пущинъ, занимавшій должность судьи Надворнаго суда въ Москвѣ, которому поэтъ писалъ: „Ты освятилъ тобой избранный санъ—ему въ очахъ общественнаго мнѣнья—завоевавъ сочувствіе гражданъ“. Но это были все-таки исключенія, которыя, по извѣстной французской поговоркѣ, только подтверждали собою общее правило. Это правило характерно подтверждается недавно опубликованнымъ письмомъ Дмитрія Сеславина къ брату о томъ, что „оберъ-секретарь говорилъ, что дѣло ваше и тотъ и другой конецъ имѣть можетъ и наконецъ сказалъ прямо, что нынѣ Фемида не смотритъ на стрѣлки на вѣсахъ, но глядитъ болѣе на доски, гдѣ болѣе куча и ярчѣе;—однимъ словомъ, по его требованію нужно 2000 р. на сенатскую челядь и *двухъ двоекъ* ему по окончаніи дѣла,—изъ сихъ 2000 надобно хотя половину теперь, чтобы отдать оберъ-секретарю и завалить входъ въ двери противникамъ, иначе онъ говоритъ, что если допустимъ его взять съ противниковъ, то послѣ онъ, по неволѣ, откажетъ намъ“.—Не даромъ поэтому ревизующимъ сенаторамъ вмѣнялось закономъ въ обязанность „точно изслѣдовать о теченіи дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ правосудія и справляться о поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ“. Не напрасно

министръ юстиціи графъ Панинъ нашелъ необходимымъ по своему дѣлу послать „благодарность“ чиновнику у крѣпостныхъ дѣлъ, и не безъ основанія считалъ себя въ правѣ на общее уваженіе извѣстный московскій оберъ-секретарь, бравшій съ истца и отвѣтчика одинаковую сумму за направленіе дѣла въ пользу каждаго изъ нихъ и возвращавшій „честно-благородно“ взятое проигравшему дѣло. Поэтому слова ектеніи по Требнику въ день священнаго коронованія: „яко суды его не мздоимны и нелицепріятны сохранить“, были пожеланіемъ, вызваннымъ горькой дѣйствительностью.

Чтобы оцѣнить прошлыя условія производства дѣлъ и постановленія рѣшеній, лучше всего сопоставить безусловныя и основныя требованія уголовного правосудія съ тѣмъ, что существовало и господствовало въ судѣ стараго устройства... Въ основаніе приговора должно быть положено *внутреннее убѣжденіе* судьи, не стѣсняемое ни формальными рамками, ни предустановленными правилами. Оно лишь не должно идти въ разрѣзъ съ положительно выясненными данными дѣла и, при необходимости его искренности, не противорѣчить принятымъ въ законѣ опредѣленіямъ и нравственнымъ основамъ общежитія. Въ старомъ судѣ господствовала система формальныхъ доказательствъ, строгія и узкія рамки которыхъ требовали отъ судьи признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. По отношенію къ главному изъ доказательствъ вообще, т.-е. къ показаніямъ свидѣтелей, было принято закономъ, что показанія эти, по отношенію къ устанавливаемому ими обстоятельству, не имѣютъ силы совершенныхъ доказательствъ, если не даны подъ присягой и при томъ двумя свидѣтелями, буде только одинъ изъ послѣднихъ не мать или отецъ, показывающіе *противъ* своихъ дѣтей. Когда судья встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, законъ говорилъ ему, что оно не идетъ въ счетъ, если свидѣтель признанъ по суду „явнымъ прелюбодѣемъ“ или „портившимъ тайно межевыя знаки“ или оказывается иностранцемъ, „поведеніе котораго неизвѣстно“, и вслѣдствіе этихъ своихъ „качествъ“ не можетъ быть допущенъ до присяги. Но и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ подъ присягой, законъ предписывалъ давать предпочтеніе показанію знатнаго передъ незнатнымъ, духовнаго передъ свѣтскимъ, мужчины передъ женщиною, ученаго передъ неученымъ. Если, наконецъ, судья находилъ, что, несмотря на отсутствіе совершенныхъ доказательствъ, есть рядъ уликъ, которыя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ виновно-

сти подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду, то секретарь имѣлъ право представить ему „съ должной благопристойностью“ о томъ, что его разсужденія не согласны съ законами и что подсудимаго необходимо оставить только въ *подозрѣніи* или дать ему для очищенія подозрѣнія возможность принести присягу. Эта система, связывая убѣжденіе судьи и внося въ его работу элементъ бездушнаго механизма, создавала уголовный судъ, бессильный въ рядѣ случаевъ покарать дѣйствительно виновнаго, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человѣка сліяніемъ безконтрольнаго возбужденія преслѣдованія воедино съ преданіемъ суду и съ оставленіемъ невиновнаго въ подозрѣніи, что заставляло его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Подъ покровомъ этой системы вершались иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и глубоко оскорбляетъ чувство справедливости.

Таково, на примѣръ, было, рисующее высоту нашихъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, разбиравшееся въ Москвѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному распутному баричу, который напоилъ ее растворомъ шпанскихъ мухъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ, съ его разрѣшенія, воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, его окружавшіе. Несчастливая дѣвушка, за пресыщеніемъ всѣхъ, пользовавшихся ею, была возвращена домой лишь на третій день съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полного сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскій судъ того времени нашелъ справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачей главнаго виновника въ военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ — и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы.

Материаломъ для такихъ рѣшеній служило слѣдствіе, производимое полиціей. Безконтрольный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы въ помѣщеніяхъ, носившихъ иногда (на примѣръ въ Москвѣ) характерное названіе *клоповниковъ* и *мошль*, вслѣдствіе царившей въ нихъ тьмы, ничѣмъ не оправдаваемое производство обысковъ, отсутствіе яснаго пониманія

дѣйствительнаго состава преступленія, неумѣлость и желаніе „покорниться“, „выслужиться“ или „отличиться“ были нерѣдкими признаками и картиною такихъ слѣдствій. При этомъ въ виду того, что собственное признаніе обвиняемаго считалось закономъ за „лучшее доказательство всего свѣта“, бывали случаи добыванія его истязаніями и приемами замаскированной пытки. Еще въ 1867 году мнѣ пришлось познакомиться съ производившимся въ то время въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣломъ частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, исправлявшій должность *дыбы*.

Необходимымъ условіемъ устраненія злоупотребленій и достойнаго отправленія правосудія является его *публичность* и, какъ ея естественное слѣдствіе, *ясность*. Старый судъ не имѣлъ объ этомъ понятія и творилъ свою работу въ застѣнкѣ. Единственное его выступленіе передъ обществомъ и народомъ состояло въ обрядѣ публичной казни на торговой площади черезъ палачей. Такая же канцелярская тайна господствовала и въ судѣ гражданскомъ, и Иванъ Антоновичъ „кувшинное рыло“, жалующійся Чичикову на то, что послѣдній совершилъ сдѣлку въ сто тысячъ, а за труды далъ только красненькую, былъ типичнымъ представителемъ тѣхъ посредниковъ, черезъ которыхъ приходилось узнавать о положеніи дѣла и состоявшемся рѣшеніи. Судъ долженъ производиться *устно* и въ *состязательномъ порядкѣ*. Только этимъ обуславливается всестороннее разсмотрѣніе дѣла и необходимая *непосредственность* воспріятія судьями впечатлѣній, изъ которыхъ слагается сужденіе о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла. Надъ привлеченнымъ по уголовному дѣлу въ старомъ судѣ громоздился ворохъ невѣдомыхъ ему протоколовъ слѣдствія, и до конца дѣла, производимаго въ канцелярской тайнѣ, безъ непосредственнаго ознакомленія судей не только съ показаніями свидѣтелей по дѣлу, но и съ самимъ подсудимымъ, послѣдній не вѣдалъ, какъ слагается то, что будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его участь и противъ чего онъ лишенъ возможности защищаться. Его участь рѣшалъ приговоръ связанныхъ въ своемъ сужденіи судей, не имѣвшихъ ни права, ни способовъ доискиваться въ дѣлѣ не *приказной*, а доступной вообще человѣческому пониманію правды. Живые люди съ ихъ способомъ выраженій и описаній, съ ихъ поведкой и житейскими взглядами были обезличены и погребены подъ тяжелымъ слоемъ написанныхъ канцелярскимъ стилемъ

бумагъ, лишенныхъ всякаго колорита и наполненныхъ безконечными повтореніями между сакраментальными словами: *слушали и приказами*.

Не лучше былъ и судъ гражданскій, гдѣ облеченная въ окаменѣлыя формы письменность загромождала основную и правильную почву для спора о правѣ и гдѣ особенно бывалъ заинтересованъ чуткій и изворотливый секретарь-докладчикъ. Еще въ 1857 году Побѣдоносцевъ писалъ объ этомъ судѣ: „Формы его несовершенны, дѣйствіе его не вѣрно и медленно, на всякомъ шагу встрѣчается въ немъ неправда матеріальная подъ ложнымъ видомъ правды формальной и господство мертваго обряда вытѣсняетъ изъ него живой духъ правды законной“

Состязательное начало процесса требуетъ *правозаступника* въ гражданскомъ дѣлѣ и *защитника* въ уголовномъ. Поэтому законъ всевѣрно заботится о предоставленіи подсудимому защитника, когда онъ его самъ не имѣетъ возможности пригласить, и устанавливаетъ правозаступничество для лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, предоставляя подсудимому и отвѣтчику послѣднее слово предъ рѣшеніемъ ихъ дѣла или участи. вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшія теченія въ уголовномъ процессѣ направляются къ тому, чтобы и на предварительномъ слѣдствіи или во всякомъ случаѣ въ стадіи преданія суду допустить защиту обвиняемаго черезъ избраннаго имъ повѣреннаго. Ничего подобнаго не зналъ нашъ старый судъ. За исключеніемъ присяжныхъ стряпчихъ при коммерческомъ судѣ, онъ не зналъ ходатаевъ и защитниковъ, носящихъ это особо-установленное званіе по праву. Защита вовсе не допускалась въ уголовномъ судѣ, а „хождение“ по гражданскимъ дѣламъ въ значительной степени находилось въ рукахъ разныхъ дѣльцовъ, ходатаевъ изъ отставныхъ чиновниковъ, оставившихъ службу „пострадавъ, подобно Чичикову, за правду“ и такъ называемыхъ въ Москвѣ „стряпчихъ отъ Иверскихъ воротъ“. Въ ихъ интересахъ было, по большей части, разъ присосавшись къ дѣлу и внушивъ довѣріе къ своему опыту въ канцелярскихъ хитросплетеніяхъ тянуть дѣло по возможности долго. Типы этого рода подъячихъ съ чрезвычайной рельефностью изображены въ комедіяхъ Островскаго.

Не одной защитѣ, однако, отводитъ мѣсто современный уголовный процессъ. Правосудіе, съ какимъ бы признаніемъ его важности и святости оно ни отправлялось, есть дѣло рукъ человѣческихъ и людского разумѣнія, которому свойственно впадать въ ошибки. Отсюда—возможность приговоровъ, фактиче-

ская сторона которыхъ и соображенія, на ней основанныя, опровергаются вновь открытыми обстоятельствами, указывающими на полную вѣроятность осужденія невиннаго. Этимъ вызывается установленіе особаго порядка возобновленія уголовныхъ дѣлъ въ случаяхъ основательнаго сомнѣнія въ виновности осужденнаго. Западно-Европейская и наша судебная практика представляетъ много случаевъ, гдѣ вновь открытыя обстоятельства доказывали, что самаго событія преступленія, вѣнченнаго въ вину осужденному, не было въ дѣйствительности, напримѣръ, когда оказывалось, что вмѣсто убійства было самоубійство; случаевъ, когда являлся съ повинной дѣйствительный убійца, поджигатель или иной преступникъ вмѣсто уже осужденнаго за то же, или когда потерпѣвшій, считаемый погибшимъ отъ руки осужденнаго, являлся изъ случайнаго отсутствія здравъ и невредимъ; случаевъ, когда письменный документъ, послужившій важнымъ доказательствомъ, оказывался подложнымъ и т. п. Нашъ старый судъ не отрицалъ, вопреки очевидности, возможности такихъ случаевъ, но—*mirabile dictu!*—допускалъ ходатайство о пересмотрѣ дѣла исключительно со стороны осужденнаго и при томъ не иначе, какъ по прибытіи его на мѣсто ссылки или каторги. Статьи 116 II ч. XV тома, подробно истолкованная Государственнымъ Совѣтомъ, разрѣшала приемъ и подачу просьбъ о пересмотрѣ состоявшагося приговора не только послѣ вступленія приговора въ законную силу, что требуется и теперь, но лишь послѣ фактическаго исполненія обряда публичной казни, т.-е. отсчитаннаго палачемъ числа ударовъ плетью и наложенія на лицо осужденнаго клеймъ. Не доставало только вырванья ноздрей, практиковавшагося въ восемнадцатомъ столѣтіи...

Таковы были отличительныя свойства того суда, который встрѣчалъ впослѣдствіи, въ разгарѣ происходившей противъ Судебныхъ Уставовъ въ ихъ практическомъ осуществленіи борьбы, неожиданно—снисходительную оцѣнку въ предположеніи, что онъ былъ въ сущности гораздо лучше, чѣмъ его изображали современники. Но предположеніе это, выванное недостаточнымъ знакомствомъ съ условіями, въ которыя былъ поставленъ этотъ судъ, разбивается о факты несомнѣнной дѣйствительности. Совѣстливый судья, въ душѣ котораго хранилось живое чувство справедливости, долженъ былъ возбуждать своими возраженіями и сомнѣніями насмѣшливое недоумѣніе среди „воротилъ“ стараго суда. Его голосъ былъ обреченъ оставаться „гласомъ вопіющаго въ пустынь“, на который люди,

успокоившіеся въ самодовольствѣ рутинны, отвѣчали ссылками на недопустимость „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“, отъ которыхъ предостерегалъ самъ законъ. Ему оставалось утѣшать себя, заглушая внутренній ропотъ сердца, тѣмъ, что *dura lex—sed lex!*

Въ манифестѣ по случаю заключенія мира, завершившаго Крымскую войну, было высказано возвышенное пожеланіе: „да правда и милость царствуютъ въ судахъ“. Осуществить его было, однако, невысказано при наличности стараго суда. Даже поверхностное знакомство съ нимъ убѣждало, что живая, осязательная правда составляла въ его дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ явленіе необычное и что для милости, кромѣ случаевъ исключенія изъ общаго порядка, не было мѣста. Никакія частичныя преобразованія не могли бы помочь. Безполезно было лѣчить отдѣльныя части испорченнаго цѣликомъ организма, который *ab initio vitiosum est*. Нужна была коренная и рѣшительная реформа. Первые годы царствованія Александра II были особо для этого благопріятны. Оживленіе умственныхъ силъ страны, общій нравственный подъемъ, сознаніе необходимости „совлечь ветхаго Адама“ съ общественнаго устройства и надежда на близкое свѣтлое будущее родины, переходившая въ увѣренность, давали возможность приступить къ новому дѣлу рѣшительно и безповоротно. Люди, призванные къ работѣ основныхъ началъ судебной реформы, къ счастью, удержались отъ соблазна вступать въ услужливый компромиссъ съ прошлымъ и создавать излюбленный у насъ, по удачному выраженію печальнаго героя Крымской войны князя Меншикова, „улучшенный бытъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ“. Большинство людей, сознававшихъ недостатки стараго суда и его темныя стороны, въ своихъ статьяхъ, запискахъ и заявленіяхъ высказались безусловно за коренное преобразование. Если про того или другого изъ нихъ можно было сказать словами Пушкина, что „далъ“ новаго суда онъ „сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ“, то никто изъ нихъ не былъ согласенъ оставаться при старомъ. Это неясное различеніе иногда вызывало довольно своеобразныя предложенія, въ которыхъ желаніе *новаю* заключало въ себѣ безсознательный отголосокъ *стараю*. Такъ, напримѣръ, при полномъ сочувствіи публичности будущаго суда, предлагалось установить входную плату за впускъ въ засѣданіе суда съ тѣмъ, чтобы таковая поступала въ пользу богоугодныхъ заведеній, при чемъ, конечно, забывалось, что судъ не театръ, а тяжелыя житейскія драмы,

развертывающіяся на судѣ, предназначены не для развлечения публики—и что установленіе платныхъ входныхъ билетовъ можетъ вызвать, по возбуждающимъ особое любопытство дѣламъ, ихъ перепродажу и другія злоупотребленія. Такъ, на-ряду съ привѣтствіемъ идеѣ о введеніи суда присяжныхъ, предлагалось обязать засѣдателей, въ явное противорѣчіе съ существомъ лежащей на нихъ задачи, выносить мотивированное рѣшеніе, при чемъ постановленіе его по большинству голосовъ допускалось лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, назначенныхъ для объединенія засѣдателей въ единогласіи. Рядомъ съ этимъ и въ области искусства проявлялся взглядъ на судѣ прежде всего, какъ на публичное зрѣлище, и на одной изъ очередныхъ выставокъ въ Академіи художествъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появился рядъ проектовъ помѣщеній для новыхъ судебныхъ установленій, которымъ былъ приданъ видъ настоящихъ театраль-ныхъ зданій съ галереями, амфитеатрами, а въ одномъ изъ проектовъ—даже съ ложами для почетныхъ посѣтителей. Общее настроеніе отразилось и на умудренномъ опытомъ прошлаго царствованія представителѣ крайней законодательной осмотрительности, недовѣрчивости и любви къ ненарушимой преемственности—графѣ Блудовѣ. И онъ постепенно, хотя и съ оговорками, сталъ признавать необходимость преобразования въ той области, гдѣ въ прежніе годы видѣлъ лишь мѣсто для улучшеній.

Исторія возникновенія Основныхъ Положеній судебного преобразования, обнародованныхъ въ 1862 году, послѣдовательныхъ работъ комиссіи по составленію Судебныхъ Уставовъ и переработки ея трудовъ въ Государственномъ Совѣтѣ изложена мною подробно въ другомъ мѣстѣ (Введеніе въ систематическій комментарий къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, изд. Гернетомъ въ 1913 и „Отцы и Дѣти судебной реформы“. Послѣсловіе, изд. 1914 года), и я ихъ касаться не буду, упомянувъ лишь о трехъ именахъ изъ состава этой комиссіи, которыя должна быть особенно дороги каждому русскому юристу и общественному дѣятелю. Это: *Ровинскій*, *Зарудный* и *Буцковскій*.

Энергичный и подвижный московскій губернскій прокуроръ Дмитрій Александровичъ Ровинскій былъ глубокимъ знаткомъ народной жизни, свойствъ и вкусовъ русскаго человѣка и изслѣдователемъ русскаго народнаго искусства, отражавшаго въ себѣ послѣдніе. На опытѣ и въ близкомъ соприкосновеніи онъ душевно перестрадалъ всѣ темныя стороны и проявленія стараго суда, тюремнаго дѣла, размахистой полицейской распорядительности и властнаго генераль-губернаторскаго усмотрѣнія. Въ

работы свои по судебному преобразованію онъ внесъ не только богатый практической матеріалъ, не только вдумчивость своего ума и чуткость своего сердца, но и настойчивое стремленіе кореннымъ образомъ обновить и облагородить нашъ судебный строй, связавъ его со всѣмъ лучшимъ, что дало народному быту упрядненіе крѣпостного права. Впослѣдствіи, когда онъ занималъ должность прокурора Московской Судебной Палаты, я имѣлъ отрадную возможность быть въ должности его секретаря и видѣть, какъ онъ отдавался новому дѣлу съ юношескимъ пыломъ и старческой мудростью, тщательно вытравляя въ сферѣ своей дѣятельности всякіе зачатки чиновничьяго отношенія къ дѣлу правосудія и подавая самъ примѣръ вдумчиваго служенія, а не рядового исполненія обязанностей своего званія. И такимъ продолжалъ онъ быть и на курульномъ креслѣ въ Сенатѣ, гдѣ мы съ нимъ сошлись за общимъ дѣломъ черезъ четверть вѣка и гдѣ изъ-подъ свободнаго обличія правдиваго судьи и страстнаго любителя и знатока искусства въ немъ сквозилъ человекъ, мыслью, словомъ и дѣломъ преданный горячо любимой имъ родинѣ. Волею судьбы двое другихъ главныхъ дѣятелей по составленію Судебныхъ Уставовъ Николай Андреевичъ Буцковскій и Сергѣй Ивановичъ Зарудный были по своему спеціальному образованію математиками и должны были начать службу первый учителемъ математики и бухгалтеріи, а второй астрономомъ Пулковской обсерваторіи. Дальнѣйшая служба по министерству юстиціи побудила ихъ къ изученію иностранной юридической литературы и судебныхъ учрежденій и заставила испытать на практикѣ всю косность и отсталость нашего процесса и трудность влітія въ его мертвящіе формальные берега струй дѣйствительнаго правосудія. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и жаждою дать достойную организацію уголовному процессу работали они, не покладая рукъ, въ комиссіи, дополняя и одушевляя другъ друга. Къ нимъ можно было примѣнить, взявъ примѣръ изъ военной области, слова Пушкина: „Пѣхота движется за нею (конницей) и тяжелой твердостью своею ея стремленіе крѣпитъ“. Роль конницы игралъ Зарудный—горячій, впечатлительный и страстный. Роль пѣхоты—Буцковскій, вооруженный въ своей спокойной увѣренности глубоко продуманными выводами и выдающею точностью своего дѣловаго языка. Отъ Государственнаго Совѣта въ его прежнемъ устройствѣ трудно было ожидать того приподнятаго настроенія, съ которымъ работали члены комиссіи. Послѣдніе, заключая свою работу, имѣли въ виду лишь

картину *будущаго* суда въ Россіи, но Государственный Совѣтъ не могъ отрѣшиться отъ зрѣлища современнаго ему политическаго и административнаго строя, далеко еще не обновленнаго во всѣхъ своихъ частяхъ и еще не заключавшаго въ себѣ Земскаго и Городоваго Положенія. Но и въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Судебныхъ Уставовъ, составленный комиссіей, встрѣтилъ серьезную поддержку и защиту со стороны министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятина и его товарища Николая Ивановича Стояновскаго, что было чрезвычайно важно, такъ какъ возраженія министра юстиціи не могли не заслуживать особаго вниманія, ибо со старымъ и новымъ судомъ ему ближе всего приходилось и пришлось бы имѣть дѣло. Когда повѣяло новымъ духомъ и вокругъ Замятина заговорили о необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ и здравымъ умомъ ясно представилъ себѣ, въ чемъ должна состоять его задача, и несмотря на вліятельныя предостереженія изъ среды „умѣренности и аккуратности“, рѣшительно склонился въ сторону смѣлаго проведенія въ нашъ судъ широкихъ и новыхъ началъ. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ Судебныхъ Уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы, и остался этому вѣренъ до конца, несмотря ни на что. По труднымъ и новымъ вопросамъ реформы онъ прямодушно пользовался совѣтами и указаніями счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и знающихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое официальное достоинство, онъ, дѣйствуя такимъ образомъ, давалъ своимъ противникамъ поводъ злобно заявлять, что онъ „даетъ себя начинять департаментскимъ либераламъ“. Въ этомъ умаленіи своего министерскаго „я“, въ готовности *учиться*, какъ надо *служить* дѣлу, благому значенію котораго *вѣришь*, состоитъ высокая заслуга Замятина предъ выработкою основоположеній русскаго правосудія. Благодаря Замятину и Стояновскому, при энергическомъ содѣйствіи государственнаго секретаря Бутова, Судебные Уставы благополучно прошли въ Государственномъ Совѣтѣ. Они явились, въ окончательной своей редакціи, какъ плодъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаниемъ тѣмъ, кто ихъ выработалъ, своей отвѣтственности передъ Россіей, жаждавшей осуществленія правосудія въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный, трудъ, построенный на увѣренности въ томъ, что

народъ приметъ новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и сумѣетъ серьезно отозваться на призывъ къ непосредственному въ нихъ участию.

Недостаточно освѣдомленные противники новаго суда иногда упрекали составителей Уставовъ въ рабскихъ заимствованіяхъ изъ западныхъ судопроизводственныхъ кодексовъ, но это—не вѣрно. Составители Уставовъ шли своимъ самостоятельнымъ путемъ, вырабатывали свои положенія долгимъ обмѣномъ взглядовъ и борьбою между ними и, если въ ихъ трудѣ встрѣчается иногда то же, что и въ другихъ законодательствахъ, то это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе человѣческой природы, оцѣнка условій общежитія и здравое пониманіе цѣли и смысла закона неизбѣжно приводили и у насъ, и на западѣ къ одному и тому же выводу. Достаточно припомнить сложную и разностороннюю выработку постановленій о нашемъ судѣ присяжныхъ и возраженія Ровинскаго, Буцковскаго и Заруднаго противникамъ этой формы суда, ссылавшимся, между прочимъ, даже устами знаменитаго Спасовича, на неумѣніе русскаго человѣка отличать законъ отъ начальственнаго предписанія—и правосудія отъ сожалѣнія о „несчастномъ“. Читателямъ „Русской Старины“ (1914 г. №№ 1 и 2) извѣстна исторія возникновенія этого суда въ Россіи, а также и то, что послѣ всего, имъ пережитаго, особое совѣщаніе высшихъ представителей судебной власти, созданное изъ всѣхъ судебныхъ округовъ, признало, что это—судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и долженствующій не отойти въ угоду своимъ хулителямъ въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Лучшимъ доказательствомъ самостоятельности взглядовъ составителей Уставовъ служитъ постановка у насъ обвинительной власти и опредѣленіе ея задачъ въ Судебныхъ Уставахъ. Передъ глазами составителей былъ особенно яркій примѣръ типическихъ представителей французской прокуратуры. Рѣчи извѣстныхъ французскихъ обвинителей Оскара де Валлэ, Бондюрана и др. читались русскими юристами съ интересомъ и восхищеніемъ передъ ихъ талантливостью. Но составители Судебныхъ Уставовъ не поддались блеску этого обольщенія. Напротивъ, они постарались освободить въ своихъ предначертаніяхъ русскихъ обвинителей отъ свойствъ и пріемовъ, которымъ было легко и соблазнительно послѣдовать. Они вдумались въ душевный складъ русскаго человѣка и на немъ построили правила публичной дѣятельности прокурора. Фран-

цузскій прокуроръ, въ особенности въ то время, привыкъ видѣть въ подсудимомъ своего врага и преслѣдовать его со страстностью, мало гармонирующею не только съ христіанскимъ милосердіемъ, но часто и съ простою справедливостію по своей односторонней безпощадности. Глубокій знатокъ французскихъ судебныхъ нравовъ Лабулэ безъ преувеличенія заставляеть типичнаго прокурора вспоминать одну изъ своихъ обвинительныхъ рѣчей: я прослѣдилъ подсудимаго отъ колыбели до суда; я изобразилъ его, какъ одного изъ тѣхъ проклятыхъ отъ рожденія дѣтей, которыя никогда не вызывали радостной улыбки у своей матери; я пошелъ съ нимъ въ школу и показалъ всю его лѣнь, лживость, сварливость и преступную склонность похищать орѣхи и сливы съ деревьевъ, обрамляющихъ дорогу. Изъ школы я перешелъ въ мастерскую и нарисовалъ внушающій отвращеніе портретъ его, какъ работника и какъ пьяницы. Я былъ въ моей рѣчи еще на разстояніи десяти лѣтъ отъ преступленія, когда подсудимый былъ уже потерянъ въ общественномъ мнѣніи. Я не постѣснялся намекнуть присяжнымъ, что подсудимый въ душѣ способенъ на отцеубійство и что если онъ не совершилъ этого тягчайшаго изъ преступленій, то только потому, что попечительная судьба дала ему счастье быть сиротою“... Составители Судебныхъ Уставовъ создали русскаго прокурора, который въ обвинительной рѣчи не долженъ ни представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ или важности разсматриваемаго дѣянія. Въ отличіе отъ западныхъ кодексовъ они предъявили прокурору особое требованіе объ отказѣ отъ обвиненія и о заявленіи о томъ суду по совѣсти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находитъ, что оправданія подсудимаго заслуживаютъ уваженія. Очертивъ такимъ образомъ *говорящую* *судью* въ лицѣ обвинителя, они придали и уголовной защитѣ свойство и характеръ не ремесленнаго краснорѣчія, а общественнаго служенія, выражающагося въ помощи суду на пути отысканія истины въ дѣлѣ. Наконецъ, они отказались перенести на русскую судебную почву широкія полномочія французскаго президента трибунала, злоупотребляющаго своимъ дискреціоннымъ правомъ и всегда являющагося союзникомъ обвинителя, что дало основаніе одному французскому писателю сказать по поводу оправдательнаго приговора: „l'accusation croulait malgré l'habituel appoint du président“. Русскій предсѣдатель, руководящій присяжныхъ засѣдателей, обязанъ согласно Уставамъ

соблюдать полнѣйшее безпристрастіе, допрашивать свидѣтелей, лишь послѣ ихъ допроса сторонами и не имѣть права, ни прямо, ни косвенно путемъ ссылокъ и характеристикъ, высказывать свое мнѣніе о винѣ или невинности подсудимыхъ.

Судебные Уставы освѣжили и, если можно такъ выразиться, оплодотворили русскую науку права. Между судебной практикой и наукой при старомъ судѣ не было никакой связи. Сами по себѣ лишенные научной подкладки рѣшенія общихъ судовъ были неизвѣстны и недоступны для публикованія или ссылки на нихъ. Рѣдкіе сборники Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по судебнымъ дѣламъ тоже не давали серьезнаго матеріала для ученыхъ работъ. Поэтому, въ наукѣ права, когда она не ограничивалась пересказомъ или перефразировкой уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, господствовало стремленіе къ историческимъ трудамъ бзъ давно прошедшаго времени, изъ эпохи Русской Правды, Судебниковъ и, въ крайнемъ случаѣ, Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ надо сказать, что наша анекдотическая дореформенная цензура смотрѣла на работы по современному ей судопроизводству крайнѣ недоброжелательно. Въ 1850 году Н. И. Стоятовскій, читавшій въ училищѣ правовѣдѣнія курсъ уголовного процесса, составилъ и приготовилъ для печати „Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству“—и встрѣтилъ совершеннаго неожиданное препятствіе въ лицѣ мудраго цензора. Этотъ микроскопическій Омаръ нашелъ, подражая знаменитому калифу, сжегшему Александрійскую бібліотеку, что книга Стояповскаго *изминя*, объяснивъ автору, что если въ его руководствѣ приведено то, что изложено въ Сводѣ законовъ—то къ чему оно?—а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ Сводѣ, то оно бесполезно и, слѣдовательно, ненужно. Такому своеобразному запрещенію надлежало бы остаться единичнымъ, хотя и знаменательнымъ фактомъ въ исторіи русскихъ юридическихъ работъ, предназначенныхъ къ ознакомленію читателей съ уголовнымъ процессомъ,—но, вѣроятно къ немалому удивленію будущаго историка, черезъ *пятьдесятъ* слишкомъ лѣтъ, повторилось нѣчто подобное, когда министръ юстиціи Муравьевъ не стѣснялся войти въ надлежащія сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ о неразрѣшеніи сенатору, читавшему въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ курсъ уголовного судопроизводства,—публичныхъ, съ благотворительною цѣлью, лекцій о *нравственныхъ началахъ уголовнаго процесса*, находя такія лекціи несвоевременными... Съ изданіемъ и осуществленіемъ Судеб-

ныхъ Уставовъ въ жизни явился не только богатый матеріалъ для подробной ихъ научной разработки, не только открылись горизонты для дальнѣйшаго развитія основныхъ ихъ началъ, но судебная практика слилась на вершинѣ новыхъ судебныхъ учреждений, въ кассационномъ Сенатѣ, съ научными толкованіями и изслѣдованіями. Уже совпавшія съ появленіемъ Судебныхъ Уставовъ сочиненія Буцковскаго, объединенныя впоследствии въ его книгѣ „Очерки судебныхъ порядковъ“, представляли собою большой научный матеріалъ, а изданіе Государственной канцеляріи „Судебные Уставы съ разсужденіями, на которыхъ они основаны“, въ значительной степени обязанное своимъ появленіемъ трудамъ и заботамъ Заруднаго, содержало цѣлыя вступительныя въ разные отдѣлы главы, полныя научныхъ данныхъ историко-юридическаго характера. Оживилась и переводная литература по вопросамъ права и процесса. Подъ редакціей одного изъ благороднѣйшихъ практическихъ дѣятелей крестьянской и судебной реформы А. М. Унковскаго появились переводы сочиненій Миттермайера о судебной защитѣ и о судѣ присяжныхъ на Западѣ и въ Америкѣ и замѣчательное изслѣдованіе Уильза о косвенныхъ уликахъ. Кассационныя рѣшенія и, въ особенности, заключенія нѣкоторыхъ изъ оберъ-прокуроровъ при кассационныхъ департаментахъ содержали въ себѣ разработку положеній права и процесса на научной подкладкѣ, такъ что безъ ссылокъ на эти рѣшенія и заключенія и ихъ критической оцѣнки едва-ли можетъ, въ настоящее время, обойтись серьезный юридическій трудъ, посвященный русскому процессу и правовой догмѣ.

Первое время всѣ такъ или иначе причастные къ судебному дѣлу относились къ Судебнымъ Устамъ съ особой любознательностью и живымъ интересомъ. Въ судахъ и среди прокуратуры устраивались особыя собранія для совмѣстнаго чтенія Уставовъ и уясненія себѣ правильнаго пониманія смысла и соотношенія ихъ отдѣльныхъ статей. Въ исключительныхъ случаяхъ эти чтенія сопровождались комическими эпизодами. Судебные Уставы 1864 г. были изданы первоначально особою книгой въ форматѣ in octavo, отдѣльно отъ Свода законовъ, но съ 1867 года начались, въ маломъ форматѣ, частныя изданія Уставовъ—Бѣликова, Зубарева и др. и, наконецъ, появилось, повторенное двѣнадцать разъ, очень распространенное изданіе Анисимова (такъ называемая Анисимовка), снабженное многочисленными выписками изъ кассационныхъ рѣшеній. Для удобства при частомъ употребленіи, книжка этого изданія была

раскрашена по борту разными цвѣтами, соответственно каждой отдѣльной части Уставовъ, что дало поводъ В. Д. Спасовичу, въ одной изъ его блестящихъ рѣчей, восхищаясь Судебными Уставами и показывая эту книжку, назвать ее „дорогимъ для всякаго юриста *слоенымъ пирогомъ*“. Однимъ изъ предприимчивыхъ, но достаточно невѣжественныхъ московскихъ издателей былъ выпущенъ въ свѣтъ и очень рекламированъ „Сводъ судебныхъ уставовъ“ по весьма дешевой цѣнѣ. Когда судебная реформа вводилась въ Харьковскомъ судебномъ округѣ, у предсѣдателя Харьковскаго окружнаго суда Э. Я. Фукса происходила собранія для чтенія Уставовъ. Одинъ изъ членовъ суда, почтенный старецъ—вооружился московскимъ изданіемъ и когда предсѣдатель читалъ текстъ статьи по официальному изданію, заявлялъ: „позвольте! да у меня эта статья изложена совсѣмъ не такъ и говоритъ совсѣмъ о другомъ, какъ же это?!“ Оказалось, что издатель Свода призналъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сдѣлать одну общую нумерацію всѣхъ статей, не взирая на то, что Уставы раздѣлялись на учрежденіе судебныхъ установленій, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такъ что Сводъ заключалъ въ себѣ, въ послѣдовательномъ и непрерывномъ порядкѣ 3255 статей, почему, на примѣръ, статья 366 Уст. Гражд. Судопр. о томъ, что истецъ долженъ доказать свой искъ, значилась для доверчиваго покупателя Свода подъ цифрою 2040... Иногда и упомянутое выше изданіе Судебныхъ Уставовъ, сдѣланное Государственной канцеляріей, вызывало оригинальныя недоразумѣнія. Находились люди, предполагавшіе, что это изданіе представляетъ собою особое узаконеніе, значительно дополняющее содержаніе Судебныхъ Уставовъ. Я помню, что въ бытность мою секретаремъ Ровинскаго, одинъ изъ станovýchъ приставовъ Московской губерніи, которому товарищъ прокурора отказалъ въ разрѣшеніи обжаловать рѣшеніе мирового судьи по возбужденному сердобольнымъ представителемъ полиціи дѣлу „о жестокомъ обращеніи съ гусями“, принесъ на этого товарища жалобу прокурору Судебной Палаты. Въ ней, ссылаясь на то, что блаженъ человекъ иже и скоты милуетъ, онъ говорилъ, что „не только иностранныя законодательства, но и Судебные Уставы, *особливо же тѣ, которые съ комментаріями*, считаютъ жестокое обращеніе съ животными заслуживающимъ строгаго наказанія. Жалобу пришлось оставить безъ послѣдствій, ибо проникнутый лучшими намѣреніями становой, къ сожалѣнію, не зналъ, что

такая карательная статья, проектированная первоначально, была не допущена въ уставъ о наказаніяхъ вслѣдствіе упорныхъ возраженій со стороны Второго Отдѣленія и графа Панина, находившихъ ее „преждевременною“ (статья такого содержанія введена въ уставъ, въ качествѣ 41³ лишь въ 1871 году).

Ограничиваясь воспоминаніями о времени, когда пятьдесятъ лѣтъ назадъ появились Судебные Уставы, не приходится рассказывать ихъ дальнѣйшую исторію, тѣмъ болѣе, что это подробно сдѣлано мною въ „Отцахъ и дѣтяхъ судебной реформы“ и въ статьѣ ноябрьской книжки Журнала Министерства Юстиціи за 1914 годъ. Можно сказать лишь одно, что Судебнымъ Уставамъ въ ихъ практическомъ приложеніи жилось не легко. Подъ вліяніемъ различной „злобы дня“, временныхъ настроеній и обычнаго у органовъ нашего законодательства нежеланія или неумѣнія вникнуть въ отдаленныя причины и происхожденіе того или другого — иногда совершенно напрасно встревожившаго ихъ—явленія, Судебные Уставы претерпѣвали своего рода „усышку и утечку“ и обростали разными новшествами, искажавшими ихъ первоначальный смыслъ и духъ. Воздвигнутое любящими и умѣлыми руками, въ строгой гармоніи своихъ линій и рисунка, зданіе Судебныхъ Уставовъ подвергалось перестройкамъ и надстройкамъ недальновидныхъ строителей, съ услужливой поспѣшностью внимавшихъ одностороннимъ, страстнымъ и гнѣвнымъ указаніямъ и совѣтамъ вліятельной печати. Только теперь, въ послѣдніе годы, начинается постепенное возвращеніе къ первоначальному плану строителей, да и то съ большими колебаніями и недодѣлками въ нѣдрахъ нашей Верхней Палаты. Если позволить себѣ шутливое сравненіе Судебныхъ Уставовъ съ юбиларомъ, празднующимъ пятидесятилѣтіе своей службы, и справиться съ послѣдней, — какъ это дѣлается обыкновенно при юбилейныхъ торжествахъ и сообщеніяхъ,—по формулярному списку съ обычными подраздѣленіями послѣдняго, то получится довольно оригинальный результатъ. Окажется, что юбиларъ,—родившійся вопреки законамъ природы, черезъ два года послѣ своего зачатія въ 1862 году и почти немедленно вставшій на ноги и пошедшій по всей Россіи, захватывая все большее и большее пространство—происходитъ отъ высшей степени благородныхъ родителей, горячо любившихъ родину и свой народъ, жаждавшихъ водворенія истиннаго правосудія и всѣми силами ума и сердца старавшихся осуществить великодушныя намѣренія своего Монарха. Юбилару было передано, въ качествѣ родового и наслѣдственнаго, *имущество*, которое казалось

въ главныхъ своихъ частяхъ недвижимымъ; однако, нѣкоторая и притомъ немалая его часть подверглась неожиданному отчужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ юбиляру было неоднократно присвоено имущество благопріобрѣтенное (хотя бы, напримѣръ, въ видѣ учрежденія частныхъ повѣренныхъ), въ которомъ слово *благо* подлежитъ большому сомнѣнію. И *прохождение имъ службы* было довольно тяжелое: внося съ собой повсюду начало равенства передъ судомъ, творимымъ по совѣсти и убѣжденію, при чемъ строгое слово закона не заглушало голоса милосердія, юбиляръ не разъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе. Его многолѣтнія обширныя заслуги по водворенію правосудія ставились въ ничто предъ отдѣльными и случайными, свойственными всякому дѣлу рукъ человѣческихъ, ошибками и неудачами. Поэтому *наградъ и поощреній* до самаго послѣдняго времени онъ не получалъ. Въ *походахъ* и довольно дальнихъ онъ былъ и выбить его изъ занятыхъ имъ позицій не удавалось, хотя въ сраженіяхъ съ непріателемъ ему нанесено не мало ранъ и даже увѣчій, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, что бывали случаи, когда наносить послѣднія покушались и тѣ, кому надлежало бы его охранять и защищать. Въ *отставкѣ* онъ не былъ; это представлялось труднымъ въ виду полной невозможности замѣнить его предшественникомъ, постепенно доживавшимъ свой безславный вѣкъ. Но въ *отпуску* онъ былъ и при томъ безсрочномъ — съ 1876 года, т.-е. въ то время, когда Судебные Уставы безъ всякаго основанія были втиснуты въ Сводъ Законовъ, разбиты на отдѣльные куски и очутились среди статей чуждыхъ имъ по языку и духу, въ непосредственномъ сосѣдствѣ со словами, которыя, согласно французскому выраженію, — „Hurlent de se trouver ensemble“, — покуда изъ этого отпуска юбиляръ не явился въ 1884 году, украшенный именемъ своего вѣнценоснаго виновника. И *брачная* графа его формуляра представляется довольно странной: по замыслу родителей ему предстояло безбрачіе и одинокая, хотя и достойная жизнь, но безъ всякаго съ его стороны почина у него оказались внѣбрачныя дѣти отъ администраціи. Нынѣ онъ отказывается ихъ усыновить послѣдующимъ бракомъ и снова при помощи *положенія о мѣстномъ судѣ* возвращается къ своему прежнему одинокому состоянію.

Переносясь мыслью въ далекое уже прошлое, я припоминаю не только любопытство, но и своего рода волненіе, съ которыми были встрѣчены въ своей строго официальной внѣшности Судебные Уставы. То, что носилось въ воздухѣ, какъ общія поло-

женія, подлежащія еще переработкѣ и, быть можетъ, существенному измѣненію, облекалось въ этой книгѣ въ плоть и кровь;—зародышъ обращался въ цѣльный организмъ;—контуры переходили въ законченную и цѣльную картину, подробности которой были твердо начертаны смѣлой и знающей рукой. И мнѣ лично пришлось испытать и пережить эти чувства. Въ 1864 году въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Лешкова, было открыто при университетѣ Юридическое Общество, засѣданія котораго — довольно безцвѣтныя первое время — усердно посѣщались нами, студентами IV курса. Во время засѣданія, происходившаго въ началѣ декабря, въ одной изъ пустынныхъ комнатъ стараго зданія университета, мой товарищъ по курсу Крымской, человекъ мрачнаго вида и добрѣйшей души, перебивавшійся уроками и умершій тотчасъ же по выходѣ изъ университета, вручилъ мнѣ какую-то книгу, тщательно завернутую, и таинственно сказалъ: „Это для васъ. Посмотрите дома! Примите въ добрый часъ“... Эта книга была только-что обнародованные Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года... и *часъ*, дѣйствительно, оказался *добрымъ*. Я свято берегу ее до сихъ поръ. По ней я учился, ее имѣлъ привычку держать для опоры въ рукахъ, вставая говорить судебныя рѣчи и оберъ-прокурорскія заключенія въ Сенатѣ; передо мной лежала она во время предсѣдательства на судѣ. Съ нею связаны у меня живыя воспоминанія о всемъ пережитомъ въ силу и вслѣдствіе ея содержанія. И вотъ ея существованію наступило пятьдесятъ лѣтъ. Съ любовью и уваженіемъ смотрю я на нее, и въ памяти моей вереницей проходятъ годы, когда ея возвышенныя начала являлись для меня и для моихъ сверстниковъ по юридическому образованію своего рода *руководящимъ напутствіемъ*,—годы, въ которые мы имѣли незабываемое счастье участвовать во введеніи судебной реформы въ постепенно открываемыхъ округахъ (я лично — въ Петроградскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ) и старались примѣнить къ окружающей средѣ завѣты составителей этой книги. Она была предметомъ нашихъ тревогъ, опасеній и огорченій, когда ей начали грозить искаженія и „исправленія“ и на ней появлялись наросты, чуждые ея духу. И нынѣ ея пожелтѣлыя страницы краснорѣчиво говорятъ мнѣ о томъ довѣріи къ духовнымъ силамъ русскаго народа, которымъ была проникнута работа творцовъ Судебныхъ Уставовъ и первыхъ дѣятелей судебной реформы. Мое практическое служеніе этой книгѣ окончилось восемь лѣтъ назадъ, смѣнившись законода-

тельнымъ трудомъ, при которомъ не разъ приходилось и, вѣроятно, придется говорить объ основаніяхъ уголовного правосудія, заложенныхъ въ ней и закрѣпленныхъ на моихъ глазахъ почти полувѣковымъ личнымъ опытомъ. На новыхъ и молодыхъ дѣятеляхъ лежитъ задача дальнѣйшаго практическаго примѣненія этихъ Уставовъ къ жизни. Хотѣлось бы сказать имъ съ поэтомъ: „Здравствуй, племя, младое, незнакомое!“ и, вспоминая стараго товарища, мысленно вручить имъ дорогую мнѣ книгу со словами: „въ добрый часъ“.

А. Ѡ. Кони.

